

Внешняя политика Китая в глобальном и региональном измерениях

В Китае – мощном, влиятельном, набирающем силу государстве, будущей «сверхдержаве» – в следующем году произойдет смена поколений руководителей страны. Ожидается ли в связи с этим изменение внешнеполитического курса КНР, и, если да – то какое? Вопрос находится в фокусе интереса политиков мира и, разумеется, особенно он интересен для россиян. Заместитель директора по науке Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра стратегических проблем США и ШОС, профессор, доктор исторических наук С.Г. Лузянин сделал на эту тему доклад на заседании Президиума РАН (ноябрь с.г.). Редакция попросила Сергея Геннадьевича раскрыть тему также и в интервью для читателей портала РАН.

– Сергей Геннадьевич, о какой смене поколений в руководстве Китая идет речь?

– Осенью следующего, 2012 года произойдет очередная смена поколений руководителей КНР: из нынешнего состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК останутся только Си Цзиньпин и Ли Кэцян, остальные семь членов этого органа покинут его. XVIII съезд КПК утвердит ключевые фигуры в партийном руководстве – прежде всего, нового Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Новые лица возглавят также и правительство (в частности, на должности премьера Госсовета КНР), ВСНП, другие структуры.

– И новое руководство, в самом деле, кардинально изменит курс внешней политики Китая?

– Разумеется, нет, в китайской политике огромное значение придается преемственности. По ходу реализации модели «социализма с китайской спецификой» многое меняется, корректируется, но, все же, ряд ключевых внутренних компонентов остаются неизменными. А именно: сильное государство; лидирующая и системная роль КПК; преемственность между поколениями руководителей в реализации стратегии реформ и развития. Сохраняют силу и заложенные еще в 90-е годы базовые внешнеполитические принципы Дэн Сяопина. Они хорошо известны: хладнокровно наблюдать, укреплять позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности, выигрывать время, не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером, делать конкретные дела.

– Но изменения во внешней политике все же будут?

– Перед новым руководством возникают новые проблемы, они-то и потребуют развития, корректировки курса. Суммируя новейшие разработки российских, китайских, западных ученых, можно условно сформулировать четыре проблемы, которые уже и сегодня проявляются в китайской внешней политике, но особенно актуальными станут завтра, они в более полном объеме возникнут перед новым руководством. Назовем их.

Во-первых, будет ли Китай во внешней политике сохранять баланс между сдержанной политикой «развивающегося государства» (к которому он официально продолжает себя относить) и активной наступательной стратегией рождающейся сверхдержавы?

Во-вторых, как разрешать дилемму в отношениях с Западом: Китай получает от экономической глобализации большие инвестиционные и технологические ресурсы, но одновременно сталкивается с растущим политико-идеологическим давлением Запада. Какова в этих условиях будет линия нового китайского руководства?

В-третьих, от США Китаю поступают известные предложения «поделить мир»: варианты G-2, «Кимерика». Как Китаю безболезненно дистанцироваться от них и одновременно со своей стороны предложить международному сообществу свою версию устройства постбиполярного мира, основанную на сохранении и укреплении международно-правового поля, существующих институтов (ООН и др.)?

Наконец, в-четвертых. Известно, что создание «гармоничного мира» – нынешняя концепция Ху Цзиньтао – в настоящий момент реализуется и продвигается. Какие политические и экономические инструменты и ресурсы понадобятся новому руководству КНР, а какие методы и идеи, как исчерпавшие себя, придется убрать из внешнеполитического «инструментария»?

Окончательных ответов на поставленные вопросы, разумеется, нет. Но есть экспертные версии и серьезные исследования, которые позволяют выявить ключевые (как старые, так и новые) тенденции в китайской внешней политике, прогнозировать их на ближайшую перспективу.

– Т.е. круг базовых идей современной внешней политики Китая можно перечислить коротким списком?

– После выхода Китая в 2010 г. на второе место в мире после США по показателю ВВП (по текущему валютному курсу) в размере 5,9 трлн. долл., а также на фоне других зримых успехов страны – изменились качество и масштабы китайской внешней политики. Соответственно, часть процитированных нами внешнеполитических положений великого реформатора Дэн Сяопина уже стали не столь актуальны. В китайском политическом руководстве и в экспертном сообществе появилась потребность в разработке новых идей и подходов.

Надо сказать, что нестыковка традиционных подходов с новыми китайскими реалиями сегодня активно исследуются самими китайскими учеными, причем часть наработок уже политически адаптирована и заявлена руководством КНР, что свидетельствует о быстрой и эффективной «вертикальной» связи между официальной и экспертной сферами в Китае.

В обобщенном виде положения ученых, взятые на вооружение руководством страны, декларированы Ху Цзиньтао как пять принципов и «два преодоления». Вот эти принципы:

- 1) идея «глубинных изменений в международной ситуации», которая объективно требует перенастройки китайского внешнеполитического механизма;
- 2) идея создания «гармоничного мира»: развитие гармоничных отношений КНР со странами ближнего и дальнего окружения, а также формирование «гармоничного общества» в самом Китае;
- 3) идея «совместного развития» – по замыслу китайских политиков процессы развития и модернизации должны протекать «параллельно», причем, не в Китае только, а во всех странах. В идеале «совместное развитие» создаст в международной политике взаимную заинтересованность в партнерстве и сохранении стабильности, преодолет «перекося», развитие одних стран за счет других;
- 4) идея «совместной ответственности», в которой просматривается попытка Китая дистанцироваться от американской модели ответственности, половину которой (в рамках G-2) США хотели возложить на Китай;
- 5) идея «активного участия» с ее скрытым посылом о смене акцентов в китайской внешней политике: в переходе к более активному позиционированию в мире в двустороннем и многостороннем форматах – в рамках ООН, ШОС, РИК (Россия – Индия – Китай), БРИКС, АСЕАН +1, АСЕАН +3, треугольника «Китай – Южная Корея – Японии» и др.

Из этих, логически связанных друг с другом принципов вытекают задачи – также официально сформулированные: «преодоления узкого регионализма во внешней политике» и «преодоления комплекса развивающегося государства».

– То есть, Китай готов преодолевать некие старые узкие рамки?

– «Преодолевая узкий регионализм», КНР стремительно расширяет географию национальных интересов. Если раньше термин «добрососедство» в китайской политологии трактовался как отношения КНР с 14 сопредельными государствами, то сегодня все чаще встречается расширительное толкование – «большое соседское окружение Китая»: не только приграничные страны, но и государства всей Центральной Азии, Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Западной Азии и Азиатско-тихоокеанского региона, включая США, Австралию, Новую Зеландию. Тенденция расширения географических рамок китайской региональной внешней политики просматривается явно – и терминологически, и политически.

Расширение это происходит не спонтанно, а согласно некой китайской «глобальной повестке», которая, пока находится в стадии разработки, постоянно дополняется новыми пунктами. Но часть этой повестки можно обозначить уже сегодня:

- борьба Китая с мировым финансовым кризисом и формирование новой мировой финансовой архитектуры;
- экономический и политический выход Китая на рынки стран Латинской Америки, Африки, Центральной (постсоветской) Азии и др.;

– вхождение в проекты, географически отдаленные от КНР, но перспективные в глобальном плане: проекты освоения Арктики, северного морского пути, энергетические и транспортные проекты в районах Ближнего Востока, Тропической Африки, Латинской Америки и др.

– активное участие в новых международных структурах – ШОС, РИК, БРИКС;

– более активное участие КНР в противодействии нетрадиционным вызовам и угрозам.

– Что именно пересматривают китайские руководители во внешней политике в первую очередь?

– Укажем на относительно новые тенденции китайской внешней политики, которые либо находятся в начальной стадии реализации, либо еще формируются в виде экспертных разработок.

Во-первых, меняется отношение Китая к проблеме глобальной ответственности в мире. Китайское руководство рассматривает эту ответственность прежде всего через призму укрепления собственной безопасности, независимости и суверенитета. Одновременно, вопреки чаяниям западных политиков, китайское понимание глобальной ответственности не связано с желанием Китая взять на себя часть «грехов за дела США» и разделить с ними пополам мировую ответственность. Китайский вариант такого понимания – ответственность, прежде всего, за судьбы своего, более чем 1,3-миллиардного населения, а уже потом за судьбы остального мира.

Во-вторых, меняется отношение Китая к своему облику (имиджу) – он рельефно приобретает черты будущей «сверхдержавы» вследствие колоссальных экономических результатов за 30-летний период реформ. Причем, многие в мире уже так и воспринимают КНР – либо как состоявшуюся «сверхдержаву», либо как государство, которое таковым станет в ближайшее время. Отсюда, кстати, ростки и негативных реакций – идеологические кампании по раздуванию, так называемой, «китайской угрозы», периодически вбрасываемые в США, странах ЕС и, к сожалению, в отдельные российские СМИ.

Однако следует подчеркнуть: независимо от готовности самого Китая к собственному новому статусу «глобальной державы», его главным приоритетом в отношениях с внешним миром будет оставаться принцип сохранения стабильности и баланса, ухода от угрозы хаоса, каких бы усилий это Китаю не стоило.

Вместе с тем, в разговорах о Китае как «сверхдержаве» следует особо уточнить: КНР пока не сможет ни сегодня, ни в ближайшем будущем реально выйти на уровень «сверхдержавы», несмотря на свою огромную совокупную мощь и феноменальные достижения в реформировании экономики.

Скажем, по уровню ВВП на душу населения, Китай сегодня не входит даже в первую сотню государств мира. Такая характеристика КНР сохранится и на ближайшую (2012 – 2017 гг.) перспективу. В среднесрочной перспективе (к середине XXI в.), в

рамках доктрины общества «средней зажиточности», КНР планирует радикально изменить этот параметр и подняться в мировом рейтинге.

И китайский уровень военно-стратегических потенциалов (ракетно-ядерного компонента, количество стратегических носителей, ядерных подводных лодок и пр.) пока несопоставим в сравнении с ведущими государствами мира (США и РФ) – он на порядок меньше. Военная доктрина Китая носит оборонительный и достаточный характер.

Наконец, по уровню социальных стандартов жизни населения (степень развитости пенсионной системы, здравоохранения, социальных пособий и пр.) Китай также значительно отстает.

– Но разве это отставание в конкретных параметрах мешает Китаю ставить долговременные, амбициозные задачи – стать «сверхдержавой»?

– В некотором роде, наоборот: именно сегодняшние нерешенные внутренние проблемы, действительно, мотивирует его на их скорейшую ликвидацию, выход на новый глобальный уровень. Каким в этом случае будет Китай, в каком образе? Конечный вариант этой модели пока неясен. Однозначно можно сказать: Китаю не подходят ни современная американская, ни бывшая советская модели, не годится опыт Британской или других колониальных империй. Однако, анализируя процессы, можно наметить некоторые предварительные параметры.

– Главный вопрос, который волнует многих: следует ли ожидать от Китая глобальной внешней экспансии, агрессивности, создания «мировой китайской империи»?

– В многотысячелетней истории Китая традиций мировых империй не заложено. Поэтому ответ на ваш вопрос: скорее всего – нет, ни идеологически, ни политически.

Наоборот, поскольку для «великих держав», действительно, всегда была характерна силовая политика, следует ожидать, что в порядке компенсации подобных ожиданий, отмежевания от такого образа, именно политика «мягкой силы» может приобрести в КНР системный и масштабный характер. А это, соответственно, повлечет за собой развитие целой группы факторов. Например, использование набора стратегем для текущей, среднесрочной, долгосрочной внутренней и внешней политики, дающей Китаю тактическую гибкость и стратегическую нацеленность. Далее: сохранится и усилится управляемая вертикаль «КПК – государство – общество»; усилятся мобилизационные возможности государства. Следует ожидать значительного усиления синтеза рыночных механизмов и государственного регулирования, развития валютно-финансовых механизмов. И вообще, само позиционирование Китая в мире будет происходить на основе продвижения политики «мягкой силы». В качестве примера укажем на хорошо известный китайский сетевой проект – создание Институтов Конфуция. Более того, руководством КНР делаются акценты на необходимости соблюдения «моральной притягательности» тех или иных (экономических и политических) шагов китайской дипломатии, особенно в странах «третьего мира».

– Скажите, а в самом Китае разве перспектива стать «сверхдержавой» не приводит к усилению национально-патриотической мотивации?

– И да, и нет: у данного процесса «две стороны медали». Одна сторона позитивная: формирование в китайском обществе объединяющей идеи «возрождения китайской нации». Другая сторона – формирование достаточно опасных для китайского руководства и Китая в целом националистических настроений и взглядов. Однако на сегодняшний день национализм не стал доминирующим и системным явлением. Не просматривается такая перспектива на следующий период.

– А на каком же языке с другими странами будет говорить завтрашний глобальный лидер?

– Меняется отношение Китая к такому ключевому дипломатическому инструменту как «партнерство». Если раньше этот термин имел для всех партнеров Китая примерно одинаковое значение, то сегодня просматривается дифференцированный подход к государствам в рамках сложившихся моделей «партнерств».

Ведущие китайские политологи разработали типологию партнерства, разбив государства – партнеров КНР – на четыре условные группы. Главные критерии подобного разбиения – не столько экономические показатели (уровень торговли, инвестиций и пр.), сколько политические параметры.

На первом месте (в качестве высшей формы партнерства, 1 группа), находится «российско-китайское стратегическое партнерство и взаимодействие», которое, как считают в КНР, «не подвержено влиянию времени, идеологий, базируется на единстве или близости двух стран по ключевым (стратегическим) вопросам международной политики». Еще в конце 1990-х в КНР была взята на вооружение стратегема: «Опереться на Север, – под ним понимается Россия, – стабилизировать Запад (ЕС, США), идти на Юг (в страны «Третьего мира» – Азию, Африку и Латинскую Америку)». Сегодня эта стратегема в принципе полностью сохранилась, несмотря на значительно меньшие обороты взаимной торговли именно с нашей страной: российско-китайская торговля оценивается в 62 млрд. долл., соответственно, торговля КНР с ЕС – 479 млрд. долл., с США – 385, с Японией – 297, с АСЕАН – 292. Однако политически именно отношения с РФ китайским руководством ценятся значительно выше, чем отношения Китая с любым другим государством мира.

Во вторую группу китайских партнеров входят Южная Корея, Бразилия, ЮАР, Индия, Канада, Украина, Белоруссия, Мексика, Аргентина и ряд других государств. Этот вариант партнерства китайскими экспертами характеризуется как «партнерские отношения дружеского типа».

В третью группу включены страны ЕС и АСЕАН. С ними у Китая имеется много общих (экономических) интересов, но есть политические и территориальные (с отдельными странами АСЕАН) расхождения по ряду ключевых вопросов. Такой тип партнерства они называют «согласованным или координируемым партнерством».

Активизация КНР в регионах сопредельной Восточной Азии остается приоритетным региональным вектором в интеграционном и торгово-экономическом плане. На фоне обострения конфликтного потенциала в регионе (Корейский полуостров, Тайваньский пролив, Южно-Китайское море и др.), роста нетрадиционных вызовов и угроз, Китай находит возможности быстро и успешно продвигать масштабные интеграционные проекты (открытие 2001 г. Зоны Свободной Торговли КНР – АСЕАН и др.). На данном направлении, несмотря на политические и территориальные споры с Японией и отдельными странами АСЕАН, просматриваются перспективы дальнейшего становления трехстороннего проекта «КНР – Япония – Южная Корея», проектов АСЕАН +3 и АСЕАН+1, углубление китайско-тайваньской экономической интеграции и кооперации, углубление кооперации сибирских и дальневосточных регионов РФ с северо-восточными провинциями КНР.

В четвертую группу включены отношения с США и Японией, которые, как отмечается, рассматривают Китай как потенциального, стратегического противника и по ряду политических проблем у сторон существуют очевидные разногласия. Данный вариант определен как «партнерство прагматического типа». Линия КНР – США: усиление конфликтности, и одновременно – взаимозависимости, особенно в финансово-экономическом плане.

Несмотря на экспертный характер данной типологии, используемые в ней определения «партнерства» присутствуют в официальных российско-китайских, китайско-индийских, китайско-японских, китайско-американских и других документах двусторонних отношений.

– Есть не только соседи, но и международные организации – как в них выглядит политика КНР?

– Качественно новой и более активной.

Китай – ООН. С 2005 г. Китай реализует через ООН системные проекты помощи беднейшим странам. Более широко использует право вето. Китай (вместе с Россией и другими странами) голосует против тех резолюций ведущих стран (США, Великобритания, Франция и др.), которые угрожают дестабилизацией ключевым регионам мира. В январе 2007 г. КНР, РФ, ЮАР проголосовали против проекта резолюции Великобритании и США «О ситуации в Мьянме», мотив – отсутствие угрозы безопасности в регионе. В июле 2008 г. КНР и РФ использовали право вето против резолюции США и Великобритании «О политике президента Зимбабве Мугабе» – мотив тот же. Последний пример: в октябре 2011 г. КНР и РФ проголосовали в СБ ООН против французского проекта резолюции по Сирии.

Позиционирование Китая в БРИКС (Бразилия-Россия-Индия-Китай-Южно-Африканская республика). В отличие от РИК (Россия – Индия – Китай), в данном проекте нет четко выраженной евразийской повестки. В рамках БРИКС Китай основной акцент делает на формировании «более справедливого мира», на реформировании мировых финансовых рынков, реформировании МВФ и других

институтов, на решении проблем энергетической и продовольственной безопасности, климатических, экологических изменений.

Активизация КНР в Центральной Азии на двустороннем уровне и через проект ШОС. Формат ШОС Китаем рассматривается как в региональном (центрально-азиатском), так и глобальном аспектах. Китай делает ставку на быструю и эффективную реализацию своих транспортных, энергетических и инвестиционных проектов в двусторонних форматах. Политически он признает за Россией ее центрально-азиатские приоритеты.

И, наконец, надо отметить выход Китая на уровень комплексного присутствия в Африке и Латинской Америке, где особенно рельефно просматриваются ресурсно-сырьевая мотивация. За 2010 г. торговые интересы КНР выражены цифрами: 163 млрд. долл. товарооборота с Латинской Америкой и 119 с Африкой. Ежегодно Китай инвестирует по 10 млрд. долл. в инфраструктурные, сырьевые и энергетические проекты Латинской Америки. В обкатке юаня как будущей, потенциальной (региональной и мировой) расчетной единицы отражены валютные интересы Китая. Так, Аргентина продает КНР свое зерно за юани, а затем на них же покупает у Китая сельскохозяйственное оборудование. В 2010 г. Китай открыл внутренний межбанковский рынок своих облигаций для иностранных банков, имеющих накопления в юанях.

– Итак, суммируя: что день грядущий нам готовит?

– Однозначно происходит усиление элементов «великой державы» и глобального позиционирования Китая в мире. В грядущее пятилетие речь пойдет, скорее, о сочетании элементов политики глобальной, региональной державы и «развивающегося государства», т.е. об усилении *вариативности* внешней политики. Идея создания «гармоничного мира» сохранится во внешнеполитическом инструментарии новых руководителей.

Доминирующим мотивом нового китайского руководства останется необходимость сохранения стабильности как внутри страны, так и за ее пределами – как обязательное условие дальнейшего реформирования и развития КНР. Не исключена и жесткая (ответная) реакция КНР на попытки Запада экспортировать «цветные революции» в Китай.

Скорость формирования «глобальной ответственности Китая» будет напрямую зависеть от скорости «возвышения» самого Китая в мире. В грядущее пятилетие КНР усилит свое внимание к БРИКС и ШОС.

Высокий политический формат российско-китайского стратегического партнерства также сохранится на ближайшую и среднесрочную перспективу.

В отношениях КНР с Японией, США, отдельными странами АСЕАН, особенно по вопросам территориального размежевания в Южно-Китайском море, а также с учетом планов США на интернационализацию территориальных конфликтов в этом регионе – не исключены новые витки напряженности.

Однако подчеркнем, наши соображения носят предварительный характер, многие параметры и тенденции в ходе будущего развития Китая могут уйти на второй план или исчезнуть полностью, а взамен появиться новые, пока никак не оформленные явления.

Ноябрь 2011

Беседовал **Сергей Шаракшанэ**

E-mail: sash_50@mail.ru

Сайт: www.sergey-sharakshane.narod.ru